УДК 940.1

Я.Г. РИЕР

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АГРАРНАЯ ЕВРОПА: ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Под средневековьем современная наука понимает тысячелетнюю эпоху человеческой истории, начавшуюся в середине I тысячелетия н.э. крушением античной цивилизации и завершившуюся возникновением капиталистического

общества в Западной Европе в XV-XVII вв. Отметим безусловно европоцентристскую основу такой периодизации, причем наиболее адекватную лишь для западной части нашего континента. Но она закрепилась, стала стереотипной и удобна для соотнесения хронологических вех [Подробнее см. Риер, 2001. – с. 35-37].

Изучение эпохи средневековья остается важной задачей историков, ибо именно в те времена формировались многие ведущие черты современных цивилизаций. Особенно это относится к Европе, на большинстве земель которой именно в средние века первобытность сменилась государственной организацией с сословиями, затем и классами, то есть, по сути, началась собственно история.

Известно, что фундаментом всех доиндустриальных обществ было сельское хозяйство. Отсюда изучение аграрных порядков является основой представлений об истории вообще и Европы в частности. Но, как известно, именно история тогдашнего крестьянства наименее обеспечена традиционными и основными для историка – письменными – источниками. “Летописцы, – отмечал известный медиэвист-аграрник Б.Д. Греков, – очень мало уделяют внимания сельскому населению. Оно продолжало пахать землю, кормило своим хлебом себя и тех, кто или не мог, или не хотел ходить за плугом, платило исправно государственные налоги, ходило на войну, и чем исправнее несло службу, тем меньше заставляло о себе говорить” [Греков, С.232]. То же можно отнести и к другим средневековым “literari”. Сами же крестьяне, неграмотные в подавляющей массе, справедливо называются “безмолвным большинством”. Вышедшие из их среды клирики, знавшие сельскую жизнь, вспоминали о ней лишь во времена бедствий, да и то чаще для того, чтобы задать риторическим вопросом: “А за какие же грехи...?” Документальные материалы почти до середины II тыс. также весьма ограничены. К тому же они обычно касались лишь взаимоотношений крестьян с землевладельцами-феодалами и властями. Внутренний же мир деревни и ее жителей, повседневная бытовая и хозяйственная жизнь крестьян мало доступна исследователям. Потому многие вопросы становления средневековых обществ еще остаются нерешенными или спорными.

В поисках выхода современная историческая наука обратилась к интегральным исследованиям специалистов всех отраслей знаний, изучающих человечество. Важнейшее место в таких междисциплинарных подходах принадлежит археологии, ибо в ней, как известно, на протяжении XX в. количество основных источников удваивалось почти каждое десятилетие. К тому же постепенное накопление археологических материалов позволило переходить от отдельных, эксклюзивных фактов к серийным, выявляющим общие тенденции. То есть археологические данные могут фиксировать не отдельные казусы, попадавшие на глаза средневековому книжнику и записанные им, а массовые явления.

Хотя еще и в наше время многие историки не очень доверяют археологическим данным и пользуются ими лишь от случая к случаю, но уже в начале прошлого века наиболее проницательные из них высказывали мысли о значении археологии для расширения круга источников по аграрной истории средневековой Европы [См., напр.: Неусыхин, С.385, 390; Kamińska, S.29; Tyminiecki, S.54-56].

Но проблема использования археологических данных и доверия к ним затруднена сложностью интерпретации вещевого материала, добываемого при раскопках. Специфика археологических источников требует использования многих специальных приемов и методов. Поэтому желательно, чтобы сами археологи вводили свои материалы в научный оборот и представляли их общеисторическую интерпретацию. Археологи же порой неохотно идут на это, осознавая возможный риск выхода за пределы своей компетенции. Известны дискуссии об этом среди зарубежных археологов-медиэвистов [Janssen, 1977; Krzemieńska; Turek, 1961;

Turek, 1963; Vaňá]. Но общим выводом стало признание необходимости выхода археологов на общеисторические обобщения при сотрудничестве со специалистами из других смежных отраслей.

К археологическим источникам по аграрной истории относятся, прежде всего, поселения (укрепленные – городища и неукрепленные – селища) и погребения (сельские кладбища). Погребальные комплексы позволяют изучать не только антропологические характеристики людей далекого прошлого, но также их бытовые и этнографические особенности, идеологические представления, отчасти имущественное и социальное положение, дают довольно точные хронологические параметры¹. Еще более многообразную информацию содержат поселения. Их изучение позволяет представить не только характер планировки и застройки поселений, но их взаимосвязи с окружающим географическим пространством, состояние хозяйственной жизни и быта их жителей, а также социальные процессы: выделение и обособление знати, наличие или отсутствие индивидуальных социохозяйственных ячеек, то есть формы крестьянской организации (общинные порядки).

Безусловно, убедительность исторических интерпретаций по столь широкому кругу названных здесь проблем зависит от степени и объемов собранного археологами материала. Рутинный характер самих полевых работ, невозможность, в большинстве случаев, применять механизмы, существенно замедляют и удорожают работы археологов. К тому же исследованиям в рамках средневековой аграрной археологии Европы едва ли более ста лет – они начались в разных странах Европы лишь в конце XIX в., а основной их размах пришелся на вторую половину XX в. Потому еще мало полностью исследованных памятников. Но накопленные материалы уже позволяют подробнее и точнее воссоздать историю аграрного развития в средние века, чем это возможно лишь на основании письменных данных. Нельзя не заметить, кстати, что если обнаружения новых письменных материалов ждать почти не приходится, то археологические источники в обозримом будущем неисчерпаемы.

При изучении европейского средневековья археологические материалы наиболее актуальны для тех регионов, которые лежали за пределами античной цивилизации и не испытали ее влияния в раннем средневековье, то есть к землям лесной зоны континента. Ибо именно на этих территориях скудость письменных источников ощущается острее.

Результаты археологического изучения земель лесной зоны Европы от бассейна Рейна на западе и верховьев Волги на востоке были проанализированы мной в специальной монографии [Пиер, 2000]. В результате появилась возможность не только проследить общий ход развития средневековой деревни, но и сопоставить особенности становления феодальных аграрных порядков в обозначенных землях. В данной статье основные выводы из того исследования сопоставляются с общеисторическими процессами, происходившими в Европе с середины I до середины II тыс.

На очерченных территориях в первой половине I тыс. обитали (если рассматривать с запада на восток) германские, балтские, славянские и финно-угорские племена. Балты и финно-угры, удаленные от периферийно-античной культурной среды, населявшие густо залесенные, мало пригодные для земледелия и продуктивного животноводства земли Северо-Востока Европы, до начала II тыс. не вышли из рамок первобытности. Общественное развитие у германцев и славян происходило интенсивнее. В более благоприятных природных условиях и при наличии

¹ Последнее особенно актуально из-за многочисленных дилетантских спекуляций с исторической хронологией математика А.Т.Фоменко и его последователей. Краткую и объективную оценку этому факту современной историографии см.: [Пашаева; Сергеев, с. 4-6].

контактов как со средиземноморским цивилизационным кругом, так и с беспокойным кочевым миром, с середины I тыс. у них начинаются процессы выделения знати и формирования государственности, то есть переход от варварства к цивилизованности (в широком понимании этих терминов).

До VIII-IX вв. развитие славян лесной зоны и германцев от Рейна до Эльбы осуществлялось сходными формами: оба этноса завершали историю первобытных отношений. На всей изучаемой территории существовал единый тип расселения: долинный. Деревни – распыленно-кучевые и круговые разных размеров – концентрировались на свободных от лесов анклавах, обычно вдоль рек. На всей рассматриваемой территории существовало земледельческо-животноводческое хозяйство. Охота, рыбная ловля и промыслы практически везде были второстепенными, подсобными. В ремесленной деятельности на всей территории с VII-VIII вв. отмечается появление специализированных железоделательных мастерских, что свидетельствует о начале отделения ремесла от сельского хозяйства. Однако на германских поселениях, в отличие от славянских, выделяются огороженные крестьянские дворы-усадыбы. Есть свидетельства и неравенства среди крестьян, проявлявшегося, прежде всего, в характере жилищ и инвентаре. Это подтверждает известное по письменным данным завершение начавшегося в германских землях в начале нашей эры процесса обособления семей и выделения индивидуального крестьянского владения – аллода. В западнославянском ареале свидетельств хозяйственного обособления семей до IX-X вв. не выявлено: изученные деревни представляли собой единые хозяйственные комплексы. Индивидуализация проникла лишь в быт – все известные жилища могли вмещать лишь малые семьи.

С VIII-IX вв. по обе стороны от Эльбы (границы между германским и славянским расселением) начинается интенсивный рост населения, что ведет к уплотнению в старых агломерациях и началу сведения лесов, чаще пока в долинах. Причем в германских землях этот процесс идет интенсивнее, что объясняется, прежде всего, более плотным населением уже в предшествующее время. При уменьшении земельных резервов начинается медленная, но неуклонная интенсификация аграрного хозяйства: по обе стороны Эльбы спорадически отмечается появление плуга и следов регулярного севооборота. Этому способствовало общее улучшение погодных условий в Европе вплоть до наступления наиболее благоприятного климата в XI-XII вв. – так называемого климатического оптимума. В целом агрикультура и животноводство у славян и германцев находятся на едином уровне. Совершенствуется домостроительство, изживаются полуземлянки, а у германцев с X в. отмечены дома на каменных фундаментах. Анализ укрепленных поселений свидетельствует о повсеместном создании территориально-административных округов с центрами в укрепленных резиденциях знати, обособившейся от рядового населения. В германских землях и этот процесс идет интенсивнее. Отмечаются также следы подчинения германских крестьян землевладельцам.

С X-XI вв. в аграрном развитии рассматриваемых территорий отмечается нарастание различий. Демографические особенности предшествующего времени выливаются в массовое сведение лесов в германских землях и формирование в них, как и в Западной Европе, к XIII-XIV вв., современного аграрного пейзажа. Менее плотное западнославянское сельское население приступает к “расчисткам” с XII-XIII вв. (в Словакии – с XIV в.). Но общим для центрально-европейской деревни этого времени было массовое распространение индивидуальных крестьянских усадеб. Причем и в западнославянских деревнях также появляются следы неравенства.

С XI в. на западе, в зоне германского расселения отмечено массовое сооружение небольших укрепленных резиденций – рыцарских замков, что отразило оседание за землю низшего дворянства. У западных славян аналогичные процессы

прослеживаются с XIII в. Сопоставление с письменными материалами свидетельствует о естественном совпадении процесса роста рыцарства (шляхты у западных славян) с усилением крестьянской зависимости, которая наступает у германцев, соответственно, с XII в., а в польских и чешских землях – с XIV в.

С X-XI вв. нарастают различия в темпах развития западных и восточных славян. Более континентальный климат на востоке замедлял как хозяйственные процессы, так и рост населения. К этому времени значительная часть восточных славян переселилась из беспокойной причерноморской лесостепи на Верхний Днепр, в Подвинье и далее вплоть до Волхова, а также на Верхнюю Волгу. Редкое балтское и финно-угорское население не могло этому воспрепятствовать и постепенно ассимилировалось. До XIV в. земли здесь было достаточно, тем более что избыток населения уходил далее на север и северо-восток. Поэтому, хотя паровое и плужное земледелие распространяется, но характер землепользования не менялся. Как и в предшествующие времена, не отмечены индивидуальные крестьянские дворы. Самые ранние их следы обнаружены лишь на Верхней Волге и в Новгородчине не ранее XIV в.

В XI-XII вв. бурно растут укрепленные резиденции возникавшего феодального сословия. Но, в условиях обширных, не очень плотно заселенных территорий их, в сравнении с центральноевропейскими землями, остается меньше. И, главное, появление таких резиденций, судя по письменным источникам, не привело к закабалению крестьян. Последние, уходя на Верхнюю Волгу и далее, вплоть до Вятки, способствовали накоплению там восточнославянского населения, ставшего впоследствии основой для Московской Руси.

Таким образом, археологические материалы позволяют выделить как общие черты в развитии аграрных порядков на очерченных территориях, так и их региональные особенности. К первым относится, прежде всего, хозяйственная жизнь. Медленно, но повсеместно, с VII-VIII до XIII-XIV вв. осуществлялся переход к трехпольному и плужному земледелию. Также практически синхронно в Центральной и Восточной Европе происходило формирование профессионального ремесла, отделение его от сельского хозяйства, что вызвало массовое становление городов с XI-XII вв.

Но отмечаются довольно четкие и постепенно нараставшие региональные различия. Прежде всего, они проявились в расселении и застройке. Более динамичное демографическое развитие в Центральной Европе, у германцев и западных славян способствовало повышению плотности расселения, динамичному освоению всех пригодных для сельского хозяйства земель и последующей интенсификации процессов феодализации, то есть социального развития. Этому способствовали различия в организации землепользования, подмеченные и археологами, и историками – давняя традиция существования обособленных крестьянских хозяйств у германцев. С X-XII вв. такие хозяйства распространяются и в западнославянских землях. В Восточной Европе вплоть до XIV в. нет свидетельств ни о сведении лесов в зоне традиционного расселения, ни о складывании индивидуальных крестьянских хозяйств.

Объяснение причин и последствий таких различий в крестьянском землепользовании выходит за пределы компетенции археологии, но, как представляется, убедительно обосновывается общеисторическими наблюдениями, а также археологическими материалами более раннего времени.

Примерно со II в. германские поселения стали распадаться на мелкие хозяйственные и социальные ячейки – усадьбы-домохозяйства (поля, разделенные межами, известны у северных германцев и раньше [История крестьянства, с. 102-103]) и у них стал вызревать аллод, окончательно, судя по письменным

источникам, выделившийся у большинства германцев в частную собственность с VII-VIII вв. [История крестьянства, с.250].

Франки, еще на своей родине, в бассейне Нижнего Рейна, испытавшие все перечисленные процессы, в ходе расселения по Галлии в III-IV вв. ощутили воздействие и римских порядков, особенно разработанных в римском праве норм, регулировавших отношения собственности. В VIII в. франки в ходе захватов в междуречье Рейна-Эльбы не только перенесли туда нормы, уже сложившиеся на западе в верхах господствующего сословия, но и ускорили процессы расслоения на низших этажах социальной лестницы, где представления о частной земельной собственности, благодаря институту аллода, были уже достаточно прочными. Ведь если крестьянин обладал правами на четко очерченный земельный надел, то такими правами тем более мог обладать и королевский дружинник, получавший от своего господина служебный надел. Этим, вероятно, и объясняется распространение в X-XI вв. во всех германских землях западноевропейских сеньориальных порядков с массовым оседанием дворян на землю, что отразилось в вышеотмеченном строительстве многочисленных рыцарских замков.

Славяне же не только не испытывали такого внешнего воздействия, как, например, восточные германцы, но, и это главное, внутренне не были готовы к восприятию принципов земельной собственности западного типа. Традиционное славянское общество, не разделенное изгородями усадеб, было сильно общинными связями. Это четко, как отмечалось, прослежено во всех исследованных археологами раннеславянских поселениях. Князь долго оставался главой патриархальной власти. Он не мог, как германский король, наделять свободными землями своих слуг, ибо само понятие индивидуального земельного владения в тогдашнем славянском обществе отсутствовало. Не случайно резиденции великоморавских князей, возглавлявших первое западнославянское государство (IX в.), обросли огромным числом жилищ своих дружинников. Им некуда было деться, ибо жили они не от земельных пожалований, как на западе их собратья – “люди короля”, а от “общего котла”, из собираемых князем даней со всех своих подданных². Аналогичная ситуация существовала позднее и в восточнославянских княжествах, где отроки надолго оставались при княжих дворах. Потому и дружинных резиденций в Восточной Европе было меньше, и они не переросли в рыцарские замки, аналогичные западноевропейским, как и не сформировалось само рыцарское сословие, не сложилась система вассалитета.

С другой стороны, тот тип феодальных отношений, который сложился у западных славян³, своеобразный феодализм “сверху”, при сохранении сильной общины “снизу” (в деревне) не стимулировал интенсификацию сельскохозяйственной деятельности, в противоположность тому, что происходило западнее, в сеньориях с большими частновладельческими правами господ.

Дело в том, что в Западной Европе традиции индивидуального землепользования породили раннее возникновение частнофеодального землевладения. Сюзерены, в том числе и короли, раздавая земельные владения за службу, в лены, перекладывали на своих вассалов и все хозяйственные проблемы. От благополучия феодалов зависело само существование их владельцев. Документы IX-X вв. свидетельствуют о создании довольно действенной системы частновладельческой эксплуатации крестьян и устойчивой сеньориальной структуры. В дальнейшем развитие городов и товарного хозяйства, приведшее к заинтересованности феодалов в деньгах, привело к усовершенствованию форм феодальной эксплуатации

² О сложении в чешских землях общественных порядков, аналогичных западноевропейским, не ранее X в., писал Х.Штойер [Steuer, S.421-426].

³ Подробнее см. [Тржештик].

крестьян – их стали переводить на денежную ренту, что восстановило (за деньги) их личную свободу. Происходило это в XIII-XIV вв. и еще более ускорило социальное развитие западного общества.

В западославянских же странах более прочная община и отсутствие традиций частного землевладения замедлили кристаллизацию правящего сословия. Дружинники стали оседать на землю и превращаться в рыцарей, как отмечалось, лишь с XIII в., что и отразилось в массовом сооружении замков, подобных западноевропейским, имевшим к тому времени уже двухсотлетнюю историю. Соответственно и подчинение крестьян здесь началось позднее. Но к этому времени города и торговля тоже стали стимулировать потребности местных феодалов в деньгах. Однако крестьяне оставались еще лично свободными. Поэтому в Центральной Европе денежные потребности рыцарей стали решаться усилением нажима на крестьян вплоть до установления крепостничества к XV в., то есть режима, существовавшего на Западе еще в X-XII вв. и уже там преодоленного⁴. В итоге аграрная экономика у славян развивалась медленнее, чем у их западных соседей – германцев [См. Donat, S. 708]. То же относится и к социальным процессам.

Еще резче отличия заметны при сопоставлении раннесредневекового развития западноевропейского региона и восточного форпоста славянского мира – древнерусских земель.

Сравнивая путь к феодализму на Востоке и Западе Европы, можно увидеть, что различия были изначально вызваны географическими особенностями Запада и Востока, а также влиянием римского наследия на Западе. Ограниченность территории Западной Европы способствовала более ранней консолидации населения. Выделение господствующего сословия происходило там не без влияния римских традиций в условиях развития и углубления аллодиальных форм собственности. И это определяло специфический облик тамошнего феодализма, основанного на частновладельческих нормах и принципах. В Восточной Европе становление социальных верхов происходило в иной социальной обстановке. Обилие свободных земель при больших, чем на Западе, сложностях их освоения, отсутствие примера более развитой цивилизации привели к сохранению прочных общинных поземельных связей. Это затрудняло быстрое и массовое оседание знати на землю и заставляло ее дольше, чем на Западе, группироваться вокруг монарха, что сформировало своеобразный государственный феодализм. Меньшая плотность населения отрицательно сказалась на хозяйственном прогрессе. Само направление колонизации в северные и восточные земли также отдаляло население Руси от западноевропейской цивилизации. Всё это породило замедленное, по сравнению с Западной Европой, развитие феодализма на Руси с сохранением патриархально-общинных черт, способствовавших формированию в будущем самодержавной власти. В принципе, на западе и востоке континента наиболее ярко определились разные пути управления экономикой: децентрализованный, основанный на местной инициативе с личной ответственностью производителя за существование, а господина – за благополучие и государственный, централизованный. Западославянский регион представлял как бы контактную зону, где на “восточные” традиции постепенно накладывались “западные” порядки [Риер, 2000. – С. 217-218].

⁴ В современной российской историографии распространена точка зрения о том, западноевропейских зависимых крестьян того времени нельзя называть крепостными, ибо они обладали куда большими правами и гарантиями, чем русские крепостные XVIII-XIX вв. Но в средневековой западноевропейской литературе и современной западной историографии понятие *крепостной* существует и отражает определенное неполноправие этого слоя населения. Подробнее см. [Риер, 2003. – С. 36-37].

Таким образом, истоки различий средневекового развития Западной и Восточной Европы следует искать в разных формах крестьянской организации. Именно из-за них единый уровень хозяйства у славян и германцев, существовавший, что отмечено и археологами, и историками, до конца I тыс., затем был нарушен за счет более динамичного развития на западе, "в зоне аллода" [Риер, 2000. – С. 204-205; Bentzien, S.51-56].

Таковой, как видно, была роль аграрного фактора в эпоху становления средневековых обществ. Более того, представляется, этот фактор сыграл существенную роль в формировании специфики цивилизаций Европы и не только ее [Риер, 1998. – С. 64-66].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Греков Б.Д.** Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. – М.-Л., 1946.
2. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. – М., 1985. – Т. 1.
3. **Неусыхин А.И.** Проблемы европейского феодализма. – М., 1974.
4. **Пашаева Н.М.** А была ли битва на Куликовом поле? // Славяне и их соседи. – М., 2001. – Вып. 10. – С. 228-234.
5. **Риер Я.Г.** Сколько путей проложила для нас история? // Веснік МДУ. – 1998. – № 1. – С. 59-74.
6. **Риер Я.Г.** Средневековые цивилизации: проблема классификации // Веснік МДУ. – 2001. – № 4. – С. 27-43.
7. **Риер Я.Г.** Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). – Могилев, 2000.
8. **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. – Могилев, 2003.
9. **Сергеев А.Л.** Правители государств и отцы церкви Европы за 2000 лет. – Владимир, 1997.
10. **Тржештук Д.** Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987. – С. 124-131.
11. **Bentzien U.** Bauerarbeit im Feudalismus. – Berlin, 1980.
12. **Donat P.** Die Landwirtschaft in der Zeit der Herausbildung und Festigung des Feudalismus in Mitteleuropa // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – 1983. – Jg. 31. – H. 8. – S. 701-708.
13. **Janssen W.** Dorf und Dorfformen des 7. bis 12. Jahrhunderts im Lichte neuer Ausgrabungen in Mittel- und Nordeuropa // Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters. – Göttingen, 1977. – S. 285-356.
14. **Kamińska J.** Grody wczesnośredniowieczne ziem Polski środkowej na tle osadnictwa. – Łódź, 1953.
15. **Krzemieńska B.** Pisemné a hmotné prameny – historie a archeologie // Československý časopis historický. – 1962. – R. X. – S. 367-376.
16. **Steuer H.** Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. 3. Göttingen. – 1982. – No. 128.
17. **Turek R.** Naše kroniky a archeologie // PA. – 1961. – R. LII. – Č. 2. – S. 550-562.
18. **Turek R.** Archeologie a historie – dnes a zítřa // Československý časopis historický. – 1963. – T. XI. – S. 193-197.
19. **Tymieniecki K.** Majętność książęcza w Zadościu i pierwotne uposażani klastoru joanitów na tle osadnictwa dorzecza dolnej Nidy. Studium z dziejów gospodarczych XII w. // Pisma wybrane. – Warszawa, 1956.
20. **Vařa Z.** Poznámky k diskusi o vztazích mezi archeologie a historie // Památky archeologické. – 1964. – T. LV. – Č. 2. – S. 416-431.
21. **Winkelmann W.** Eine sächsische Siedlung der Karolingerzeit bei Warendorf // Westfälische Forschungen. – 1953/54. – Bd. 7.